

С.В. Оболенская
СОЛДАТЫ ЧИТАЮТ Л.Н. ТОЛСТОГО

Предмет предлагаемой читателю статьи - анализ восприятия солдатами нескольких артиллерийских рот прочитанного им вслух рассказа д.Н. Толстого "Два старика". Это произошло 12 декабря 1888 г.

Однако независимо от моих намерений и возможностей анализ не ограничен попыткой проникновения в картину мира слушателей рассказа. Встает также и историко-литературная задача - на конкретном и узком примере попытаться понять, каким образом через восприятие литературного произведения определенной группой людей, принадлежащих к одной и той же социокультурной страте, рождается отличающийся от предусмотренного автором смысл произведения. Судьба литературных сочинений зависит не только от их собственных качеств, от замысла их создателей и его воплощения, они существуют в истории литературы и в социальной истории в тех значениях и смыслах, которыми их наделяют те или иные группы читателей.

"Проблема взаимосвязи литературных произведений и социального мира" выдвигает задачу понять, как соотносится восприятие читателей с тем, что заложено в текст его автором. Этот вопрос встает не только перед теми, кто изучает проблемы истории чтения и истории читателей, но и перед историками литературы¹ Отнюдь не причисляя себя к последним, я все же не смогу избежать² размышлений и оценок, касающихся собственно произведения Л.Н. Толстого .

* * *

Излишним было бы говорить подробно о широкой и разносторонней литературно-просветительской деятельности Л.Н. Толстого; тема и материал данной статьи диктует необходимость коротко остановиться только на его сотрудничестве в издательстве "Посредник". Это открывшееся в конце 1884 г. в Петербурге издательство, организованное по инициативе великого писателя и ставшее рупором его просветительских идей, не случайно носило такое название. Его создатели и руководители видели свою миссию в том, чтобы "перекинуть³ мост между разьединенными в силу исторических условий классами и слоями общества" выступить посредниками между образованными людьми и простонародьем. ,

Главная задача "Посредника" состояла в издании специальных книг для народа", которые, по мысли Л.Н. Толстого, В.Г. Черткова и других сотрудников, должны были вытеснить с книжного рынка недоброкачественную, с их точки зрения, литературу: с одной стороны, низкопробные лубочные сочинения, подвергавшиеся резкой критике интеллигентных просветителей, с другой - книги, создаваемые для народа авторами, народа не знающими, высокомерными, не понимающими смысла и способов просветительской деятельности. Разумеется, творчество самого Толстого должно было играть в деятельности "Посредника" ключевую роль. .

Толстой весьма миролюбиво относился к лубочной литературе, полагая, что невозможно и не нужно навязывать народу моральные представления и вкусы интеллигенции, и не участвовал в той бессмысленной и безуспешной борьбе с лубочной литературой, которая велась десятки лет. Еще в 1863 г. известный издатель журналов для народа А. Погоский заявлял в Петербургском комитете грамотности о близящейся гибели лубочной литературы, но сорок лет спустя, в 1905 г., саратовский публицист М. Горьков все еще с возмущением призывал к борьбе против «той полуграмотной, часто развратной книги, которой отравляют простолюдинов издатели с "Никольской", всякие книгоноши, офени, уличные, ярмарочные продавцы с ларей, с возов, в киосках». А в 1921 г. Н. Андреев в статье, помещенной в журнале "Казанский библиофил", сообщал, что после Февральской революции 1917г. раненые солдаты в госпитале, оставляя непрочитанной⁵ политическую литературу, "с увлечением зачитывались сказками и тому подобными произведениями"⁴

Несмотря на все усилия интеллигенции снабдить народного читателя доброкачественными и доступными ему книгами, интерес к лубочной литературе не угасал, популярность не уменьшалась - по причине ее соответствия массовому вкусу как выражению неподвижного сознания. Эта литература, вместе с ходом времени изменявшая свою тематику и отчасти свой характер, оставалась главным достоянием широких кругов населения России. Рискну утверждать, что это свойственно и нашему времени. Демократизация общества и демократизация культуры, происходящие на наших глазах на рубеже веков и тысячелетий, придала массовой литературе, которая, конечно же, является наследницей лубочной, новую неслыханную популярность, большую роль играют и новые возможности популяризации - кино и особенно телевидение.

Мне кажется, Толстой все же полагал, что его "народные" сочинения должны способствовать развитию массового вкуса и изменению роли книги в жизни простого народа. Еще в 70-х годах, осуществляя свой давний замысел, связанный с организацией первой Яснополянской школы (1859), он опубликовал написанные им "Азбуку", "Новую азбуку" и "Русские книги для чтения", предназначенные для детей и составленные им из собственных рассказов и тех, что были написаны учениками Яснополянской школы, а в декабре 1885 г., когда минуло уже больше двадцати лет после освобождения крестьян, писал М.Е. Салтыкову-Щедрину: "С тех пор, как мы с вами пишем... зародился новый круг⁶ читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть ли не миллионами" Именно для этих новых читателей - главным образом крестьян, начинающих приобщаться к книжной культуре, Толстой в середине 80-х годов написал рассказы, изданные "Посредником" в виде маленьких, тоненьких, дешевых книжек: "Чем люди живы", "Много ли человеку земли нужно", "Два брата и золото", "Упустишь огонь - не потушишь", "Вражье лепко, а Божье крепко", "Где любовь, там и бог . .

и др. Всего за 16 лет, с 1884 по 1900 г., вышло более сорока книг Л.Н. Толстого, содержащих рассказы для народа.

В это время Толстой особенно интересовался народным творчеством (в частности, он слушал крестьянина Олонецкой губернии П. Щеголенка, рассказывавшего ему былины и сказки). Размышления писателя относительно содержания, идейного смысла, дидактического значения книг "для народа" теснейшим образом были связаны с проблемой формы, которая, по его мнению, играла в книгах такого рода определяющую роль. Еще в 1875 г. он писал к Е.Т. Менгден о замышлявшемся журнале "для народа": "Если бы я был издатель народного журнала, я бы сказал своим сотрудникам: пишите, что хотите, проповедуйте коммунизм, хлыстовскую веру, протестантизм, что хотите, но только так, чтобы каждое слово было понятно тому ломовому извозчику, который будет везти экземпляры из типографии: и я уверен, что кроме честного, здорового и хорошего ничего не было бы в журнале. Я не шучу и не желаю говорить парадоксы, а твердо знаю это из опыта. Совершенно простым и понятным языком ничего дурного нельзя будет написать... стоит только пропускать все статьи через цензуру дворников, извозчиков, черных кухарок. Если ни на одном слове чтецы не остановятся, не поняв, то статья прекрасна. Если же, прочтя статью, никто из них не может рассказать, про что прочли, статья никуда не годится" В апреле 1887 г., уже опираясь на собственный опыт, он советовал писателю из крестьян Ф.А. Желтову: "Воображаемый читатель, для которого вы пишете, должен быть не литератор, редактор, чиновник, студент и т.п., а 50-летний хорошо грамотный крестьянин. Вот тот читатель, которого я теперь всегда имею перед собой и что вам советую. Перед таким читателем не станешь щеголять слогом, выражениями, не станешь говорить пустого и лишнего, а будешь говорить ясно, сжато и содержательно". В этих высказываниях писателя для нас важны два момента: во-первых, ориентация Толстого на связанный с нравственными устоями народный вкус, с его точки зрения безошибочный, во-вторых, и это особенно важно в контексте данной статьи, мысль, что о качестве текста можно судить по тому, сумеет ли читатель его пересказать. . 8

* * *

Раньше я говорила о том, как важно соотносить создание и существование литературного произведения с его восприятием в различных социо-культурных группах читателей. Но если о том, как оценивалась литературно-просветительская деятельность Толстого вообще и его "народные рассказы" в частности в среде русских образованных людей конца XIX - начала XX в., известно, то о восприятии "народных" рассказов Толстого теми, кому они были адресованы, мы знаем очень мало. Источниковая база для подобного исследования ничтожна, кроме того, обычно в изучении чтения и читателей первое место отводится статистике и типологии читателей или истории книги

Мне уже приходилось писать о таком ценном источнике для изучения восприятия "простонародными" читателями (или слушателями) разного рода книг, главным образом тех, что издавались специально для них, как подготовленные группой харьковских учительниц под руководством Х.Д. Алчевской, педагога и исследовательницы народного чтения, сборники "Что читать народу"¹⁰. Мы находим в них описание восприятия сельскими слушателями и городскими читателями некоторых "народных" рассказов Толстого, а также бесценный материал, позволяющий, в частности, выявлять случаи взаимного непонимания интеллигентных учительниц и крестьянских слушателей. Но сколь ни важны такого рода свидетельства, которые мы тоже примем во внимание, это всего лишь изложение высказываний слушателей или читателей, вольно или невольно, но все же интерпретированные учительницами или самой Алчевской.

Однако в нашем распоряжении есть любопытный источник, содержащий материал, исходящий непосредственно от слушателей рассказов Л.Н. Толстого. В фонде А.Н. Рубакина, хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Рубакин, как известно, занимался изучением "народного чтения" по составленным им программам и собирал материал по этому вопросу), в деле «Материалы к работе "Этюды о русской читающей публике"» хранятся написанные 12 декабря 1888 г. солдатами нескольких артиллерийских рот сорок два изложения рассказа Л.Н. Толстого "Два старика" после того, как им прочитали его вслух, и тридцать четыре изложения рассказа Толстого "Где любовь, там и Бог", составленные в основном теми же солдатами¹¹.

2 июня 1885 г. Толстой сообщал об этом рассказе В.Г. Черткову: "Я между другими делами написал один рассказец хороший из записанных мною тем. Жду Ге и попрошу его сделать рисунки"¹². По словам Н.Н. Гусева, человека, близкого писателю и его биографа, Толстой, создавая этот рассказ, опирался, по всей вероятности, на опубликованный еще в 1859 г. в журнале "Домашняя беседа для народного чтения" рассказ "Странник и домосед", автором которого был, по-видимому, Г. Ширяев, указавший, что он записал его со слов старца Саровской пустыни. В 1871 г. этот текст в несколько измененном виде опубликовал А.Ф. Ковалевский под заголовком "Подвиг паломничества и подвиг человеколюбия" в журнале "Душеполезное чтение"¹³. Однако Толстой прибавил в знакомые ему тексты много своего. Во-первых, он выписал характеры стариков - главных действующих лиц, во-вторых, ввел много деталей и эпизодов, в частности, впечатляющую картину умирания голодающей семьи в украинской деревне; наконец, "подвиг паломничества" и "подвиг человеколюбия" писатель изобразил наглядно и ярко. Рассказ Л.Н. Толстого вышел в свет осенью 1885 г. в издательстве "Посредник" в виде книжки с рисунком А.Д. Кившенко на обложке. .

* * *

Кто были авторы солдатских изложений рассказа Л.Н. Толстого "Два старика"? Почти все они поставили свою подпись, а некоторые, помимо фамилии и имени, указали свою должность в роте: канонир, бомбардир, бомбардир-наводчик. Среди простых русских имен и фамилий находим две, очевидно, польского происхождения: Бонаventura Росинский и Станислав Эмурский. Не все указали, откуда они родом, но все, кто назвал и место своего жительства до армейской службы, - из центральных губерний России — Костромской и Тамбовской. О социальном положении и жизни солдат до службы, равно как и об их грамотности, можно судить по записям трех солдат, сообщивших о себе некоторые сведения. Привожу их полностью, ничего не изменяя в правописании авторов.

Бомбардир-наводчик Петр Каратаев пишет: "Тамбовской губернии Лебедянского уезда Ищеинской волости села Ищина учился в сельском училище учитель был попов сын звать его Алексей Михайлов две зимы по летам занимался черной работой пахал и косил хлеб рожь пшеницу овес просо горечиху чечевику а после того уберем все это свозим к себе на гумно еще занимался машиной молотит рожь пшеницу просо берем от копны 13 копеек и 15 копеек в день молотить 40 копен в этой машине ходит четыре лошади еще после того начинаем работать в маслобойке семя бить берем от четверика десять копеек если жмых возьмет хозяин то 25 копеек Так у нас время идет весь год"¹⁴.

Солдат 23-й роты Киреев рассказывает: "Тамбовской губернии Г. Спаского Слаимовской волости села Кочетовки Прохождения житья до 15-ти лет жил дома занимался черной работой А учился от братьев в семье Семейство у меня 5 братьев всех нас и все женаты всего 20 душ За-нимаемси землепашеством А с пятнадцать лет жил в Сарацкой Губернии Г. Волском в графском имении 3 года у графыни Шуваловой при должности 1 год в конюхах 2 года жал на машинных жнейках которые сами вяжут снопы А 3 год в лесу и лесничий был его благородие Мориц Абъездшиках Федорович Ролант Жалвонья получал 12 ру серебром и деньги посылал домой Ацу и матери А братье жили все дома 3 старший 1 моложи Младший брат ремесленный он живет в Г выделяет щитичу 10 ру в ме Живем все в мести и они меня не оставляют присылают деньжонок скотины 4 лошади 3 коровы А овец было штук 30 но теперь не могу знать потому что зимой много покалили А зимой ездим визвоз... Село Кочетовка находица на горе приреке париций крестьяне барина Александра Романовича Глазинапова занимаются земляпашеством и очень выпивают [...] зато и бедны. От Г нарастояние 7 ве барин хороший у нас а поп очень дирет за все за свадьбу так тому подобно за свадьбу 10 р хоро 7 кристи 50 к А заработать у нас за день мужику 23 ко бо 15 к А кады и тово нет рад бы и заето негди"¹⁵.

Есть и такая запись: "По безграмотству его личной просьбы кано-нир Николай Дмитриев Орлов Костромской губернии Макарьевского

уезда [намденской] волости деревня семьи крестьянской сын Николай Дмитриев Орлов летнее время летом занимался работой хлебопашеством а в зимнее время занимался лесными работами работали в лесах такие возили дерева что 5-ти лошадей подпрягали под одно дерево работы были у нас чежолые а по привычке могли мы терпеть и очень казалась нам эта работа привычной"¹⁶. Особенности орфографии этих текстов (пунктуация в них отсутствует) характерны для многих изложений, о которых пойдет речь¹⁷.

Неграмотность солдат воспринималась, особенно после поражения в Крымской войне, и военным начальством и общественными кругами как серьезная проблема. В 1857-1858 гг. в армии были созданы низшие школы - ротные, эскадронные и батарейные, в которых солдат обучали "первым началам закона Божия", обязанностям нижних чинов, а также чтению, письму, иногда - арифметике. Строгого порядка в работе этих школ не было, солдаты обучались чаще всего от случая к случаю. С ними занимались унтер-офицеры, которые должны были пройти соответствующую подготовку в полковой школе, но подчас и сами были малограмотными. В конце 60-х годов эту систему обучения проверяли, и обнаружилось главным образом "стремление поскорее сделать солдата способным казаться грамотным". Феномен потемкинской деревни, столь характерный для России и составивший сохраняющуюся, кажется, и доселе традицию, проявлялся таким образом и здесь. Несмотря на то что в специальной инструкции от 20 июля 1867 г. грамотность объявлялась обязательной для всех нижних чинов, войсковые начальники часто видели в попытках организовать первоначальное обучение солдат нечто совершенно ненужное и непрактичное. Среди рекрутов, поступивших в армию в 1867-1869 гг., грамотных насчитывалось менее 10%, но и после обучения в ротных школах во всей армии грамотные солдаты составляли тогда четвертую часть.¹⁸

По мнению военных специалистов, положение не слишком изменилось и к началу 80-х годов, неграмотность большинства новобранцев представляла серьезную помеху в обучении их тому военному ремеслу, для которого они предназначались в разных родах войск. Предполагалось, что после окончания занятий в ротной школе солдат будет уметь "читать печатное и писаное, хотя и медленно, но правильно, и рассказывать прочитанное, писать без грубых ошибок, знать четыре первых арифметических действия"¹⁹. На деле получалось совсем иное, и на следующем предусмотренном правилами этапе обучения - в батальонной школе - приходилось вновь и вновь заниматься чтением и письмом²⁰.

Больше всего грамотных солдат было в артиллерийских частях, я можно предположить, что именно поэтому написать изложение рассказов Толстого предложили артиллеристам. Однако и их грамотность была весьма относительной.

Среди солдатских изложений, о которых пойдет речь, есть и до-вольно длинные - в 8-9 страниц - тексты, есть и совсем короткие - в не-сколько строчек. За очень редким исключением все они написаны

людьми явно полуграмотными или даже едва-едва грамотными, с нарушением всех грамматических правил; некоторые из них по этой причине понять нелегко. Приведу только один пример, касающийся, правда, другого рассказа Толстого. Петр Лепешкин изобразил его название следующим образом: "Гделубов тамь и бох", что означает "Где любовь, там и Бог". Впрочем, есть тексты, отличающиеся большей грамотностью. Вообще-то, солдаты имели возможность читать и пользовались библиотеками, существовавшими во многих частях. По свидетельству П. Бобровского, больше всего в этих солдатских библиотеках было "народных" журналов ("Грамотей", "Народная беседа", "Народная газета"), встречались также переводные романы и лубочные книги (например, необычайной популярностью пользовалась книга Н. Зряхова "Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка умирает на гробе своего мужа"). Но нигде в ротах Бобровский не видел Евангелия, и все религиозное образование солдат, пишет он, заключалось в "задалбливании молитв".

21

* * *

Обратимся к рассказу Л.Н. Толстого "Два старика". Поскольку ниже придется подробно останавливаться на каждой из его частей, здесь изложим его совсем коротко. Два крестьянина, жители одной деревни, богатый и степенный мужик Ефим Тарасович Шевелев и небогатый добродушный и веселый Елисей Бодров, задумали идти "Богу молиться" в старый Иерусалим. Несколько раз они откладывали исполнение замысла, однако по настоянию Елисея весной собрались и отправились в путь, шли пять недель. В одной украинской деревне Елисей захотел напиться и зашел в избу, где застал ужасающую картину умирающего от голода семейства. Он тотчас же накормил голодающих своим хлебом, остался у них и помог им поставить на ноги хозяйство; истратив почти все деньги, взятые в дорогу, он затем вернулся домой.

Ефим же добрался до Иерусалима, посетил там все святыни и во время службы в храме Гроба Господня внезапно увидел в алтаре Елисея. В течение трех дней, посещая службу, Ефим видел Елисея на том же месте, пытался к нему подойти, но это ему так и не удалось.

Вернувшись домой через год, Ефим нашел свое хозяйство не в порядке, разбил сына, а затем навестил Елисея. Тот работал на пчельнике, и Ефим увидел его таким, каким тот был в Иерусалиме, в храме Гроба Господня. Над сияющей лысой головой Елисея золотые пчелки свились в венец. И Ефим понял, что произошло в Иерусалиме, понял смысл пережитого им и Елисеем, понял, "что на миру по смерти велел Бог отбывать каждому свой оброк - любовью и добрыми делами. Это последние слова рассказа.

Очевидно, помимо задачи - более или менее подробно изложить рассказ Толстого - солдатам было также предложено ответить на не-сколько вопросов анкеты, составленной на основе рубакинской про-

граммы анализа народного чтения. Самой анкеты в деле нет, но сохранился небольшой текст ответов на нее кого-то из солдат.

Эта анкета, которую частично можно предположительно воспроизвести на основании ответов, и короткие пометки Рубакина на полях изложений свидетельствуют о том, что главной целью "эксперимента", состоявшего в написании солдатами изложений рассказа Толстого, было узнать, оказался ли рассказ доступным для "простых" читателей и как они его поняли (возможно, предполагалось также, что вопросы анкеты помогут солдатам при составлении изложений).

В сущности, тот же самый вопрос стоит и перед нами, но мы усложняем задачу, пытаясь представить еще и характер восприятия полуграмотными слушателями - солдатами (недавно - крестьянами) текста Л.Н. Толстого, извлечь из источника сведения о некоторых их ценностных ориентациях, а также стремясь приблизиться к ответу на вопрос, удавалось ли русской интеллигенции конца XIX - начала XX в. исполнение ее "посреднической" миссии.

Привожу ответы на анкету:

"1) рассказано в этой книге о том, что Ефим и Елисей пошли в Иерусалим молиться Богу. Елисею захотелось напиться, вот он в хату пробыл там 4 дня. Елисей пошел догонять Ефима да назад и воротился Ефим пошел дальше (забыл).

2) на быль.

3) не было.

4) Елисей отличаца тем, что он (не знаю)

5) понравился больше Елисей тем что он сделал добро

6) не знаю

7) Елисея заставило поступить слово Божье

8) Кто больше угоден Богу? Елисей, потому что он исцелил людей

9) не понятно

10) все понятно то место где стоял Елисей в Иерусалиме впереди Ефима"²³. Что можно извлечь из этого "неполного" текста?

Рассказ Толстого "Два старика" был написан, конечно, не специально для чтения вслух. Хотя он и подчинен единой идее, текст построен сложно; в каждой части говорится о совершенно разных событиях, действие которых разворачивается в разных местах. Задача - пересказать в письменном виде то, что прочитали вслух, оказалась для солдат довольно трудной. Это ясно из ответа на первый вопрос анкеты, в котором, очевидно, предлагалось кратко передать основное содержание рассказа. Отвечающий, не имея, конечно, опыта писания изложения, начинает его пересказывать и, вероятно, быстро понимает, что сделать этого не может - или "забыл", или, может быть, осознает, что времени для пересказа недостаточно, - поэтому прерывает изложение.

То же самое мы видим и в большинстве солдатских работ. Начав пересказ, большинство солдат быстро "увязали" в начале, дальнейшее развитие событий не отражали и до конца не доходили. Из сорока душ солдат изложение до конца рассказа довели всего одиннадцать (я не го-

ворю здесь о том, сумели ли они при этом изложить по порядку все содержание рассказа). Уяснить основное содержание целиком, кратко передать его от начала и до конца мало кому удалось. Мы не знаем, как именно, в какой обстановке происходило чтение и письмо, ограничено ли было время, достаточно ли было бумаги, проявляли ли свое отношение к пишущим те, кто читал текст, а также, вероятно, присутствовавшие при чтении офицеры и т.д. Между тем все это могло повлиять на общее состояние и настроение авторов изложений. Так или иначе в дальнейшем я буду ориентироваться на те тексты, которые содержат более или менее связное (пусть и неполное) изложение.

Все солдаты проявили наибольшее внимание к двум сюжетам: 1) замыслу стариков идти на богомолье и сборам в дорогу; 2) пребыванию Елисея в доме голодающих и его помощи им.

Первая часть рассказа содержит некоторую экспозицию образов двух стариков и описание их сборов на богомолье, в давно задуманное ими паломничество. Богатый мужик Ефим — "степенный, водки не пил, табаку не курил, черным словом век не ругался", строгий и твердый глава большого семейства, заботливый, успешливый хозяин. Елисей — "старичок ни богатый, ни бедный", добродушный и веселый, смиренный; "пивал и водку, и табак нюхал, и любил песни петь"; в семье Елисея царят любовь и взаимное доверие. Когда Елисей предлагает отправиться наконец в Иерусалим, Ефим никак не может отречься от сиюминутных хозяйственных забот, выделить необходимые для путешествия деньги и, главное, оставить дом и хозяйство на сына. Елисей, уговаривая Ефима, проявляет и житейскую мудрость, и легкое отношение к хозяйству и деньгам. ²⁴

Это начало рассказа Толстого изложено почти всеми солдатами; его не передали только те, кто вообще не сумел написать сколько-нибудь связного текста. Внимание слушателей, по-видимому, еще не рассеяно; кроме того, здесь затрагиваются близкие всем проблемы и детали повседневной крестьянской жизни, которые выходят на первый план, несколько оттесняя зачин, касающийся образов Ефима и Елисея. ²⁵ Большинство солдат описывают сборы богомольцев: сколько денег взял с собой в дорогу каждый и как он эти деньги добыл, какова была обувь паломников и что они положили в свои котомки, какие именно наказы оставили домашним. Многие запомнили и указали, что старики взяли с собой по 100 рублей, и написали о том, как раздобыл эти Деньги небогатый Елисей. Канонир 22-й роты Алексей Делектов, знакомый, видимо, с пчеловодством, сосчитал, сколько мог получить разводивший пчел Елисей ²⁶ от продажи ульев (и каких именно) и привел свою раскладку продажи, которой в тексте Толстого нет . .

Характерно внимание к некоторым деталям, близким крестьянам. Дом со словами изложения, написанного Егором Толкачевым: "Два старика Ефим и Елисей вышли вечером на бревны ²⁷ поговорить кое о чем—", А.Н. Рубакин заметил: "Многим дались эти бревна..." . И действительно, авторы половины изложений запомнили и отметили, что

стариками обсуждали свои планы весной, в праздник, сидя на бревнах. Это не случайно. Груда бревен, сложенных на улице, была, очевидно, удобным местом встреч. Недаром на картинке, представляющей собой заставку одного из журналов "для народа", изображена группа крестьян, собравшихся именно на сложенных в кучу бревнах и слушающих чтение.

Отправляясь в паломничество, Елисей намеревался "отстать" от табака и даже не взял из дому тавлинку, однако не сумел побороть себя; впрочем, это не слишком его огорчает. Привычка Елисея нюхать табак отмечена в шестнадцати изложениях, но почти никто не трактует ее как грех против Господа. Иногда ее оценивают просто как что-то ненужное или неприятное, но чаще отмечают как нечто безобидное, сопоставляя при этом добродушного Елисея с Ефимом, который весьма строг со своим спутником и осуждает его за привычку к табаку. Яков Клыгин приводит слова Ефима, которых в рассказе Толстого, конечно, нет: "вот ты какое г...-то нюхаешь", на что Елисей отвечает, что он и сам тому не рад ²⁸.

Авторы изложений адекватно поняли разницу в поведении стариков в пути. Толстой подчеркивает, что Елисей идет "с веселым духом", забыв все домашние заботы, читает про себя молитвы или вспоминает жития святых и заботится только о том, как бы кого не обидеть, не ввести в грех и своего спутника, в мире и любви до места дойти и домой вернуться. Ефим идет "хорошо, твердо, худого не делает и пустого не говорит, да нет у него легости на душе", потому что не выходят из головы мысли о хозяйстве, оставленном дома в ненадежных руках. Солдат Петр Соколов, давший своему изложению название "Не в силе Бог, а в правде", пишет: "Елисей идет и все думает о своих грехах, а Ефим все думает об доме". Солдат Денисов: "Елисей идет и думает, говорит себе: ²⁹ Господи, прими нашу молитву. Ефим молится Богу, а дома-то, поди, мой сын плохо убирает" .

Ключевая часть рассказа Толстого - встреча Елисея с голодающим семейством на Украине. В "Хохлатчине" Елисей отделился от Ефима, зайдя в случайную хату попросить напиток и обещав своему спутнику тотчас же его догнать и продолжить путь вместе. Что он увидел, зайдя в дом, мы уже знаем. Вечером на четвертый день пребывания в деревне Елисей задумывается над тем, как быть дальше: "всех, видно, не оделишь", "и идти надо, и людей жалко". Сон, в котором мальчик и девочка удерживают его и просят хлеба, разрешает его сомнения. "Выкуплю, - говорит, - завтра пашню и покос, и лошадь куплю, и муки до новины, и корову ребятам куплю. А то пойдешь за морем Христа ³⁰ искать, а в самом себе потеряешь" На другой день Елисей выполнил это свое намерение, позаботившись о будущем спасенной им семьи, а затем ушел из деревни. .

Сосчитав оставшиеся деньги и поняв, что до Иерусалима ему не добраться, Елисей повернул домой. Это важный для Толстого момент. Писатель раскрывает тут смысл евангельского постулата о том, что до-

брые дела следует творить так, чтобы "милостыня была втайне" и левая рука не знала, что делает правая. Елисей случайно услышал на улице, как прохожие женщины хвалят его за добрые дела, и это подтолкнуло его к решению уйти из деревни, что он и выполнил потихоньку ночью, когда все спали. Писатель возвращается к этой мысли и в самом конце: когда Ефим уже дома пришел к Елисею и хотел рассказать ему, что говорили о нем в той избе, где он спас голодных, Елисей испугался и замял разговор.

В подавляющем большинстве солдатских изложений эпизод спасения голодающего семейства составляет главную часть текста. Все описывают обстановку в избе, внешний вид и состояние ее голодных обитателей. Многие солдаты подробно, добавляя вымышленные детали, рассказывают о том, что увидел Елисей, войдя во двор, а затем в хату: мужчину, неподвижно и безмолвно лежащего на солнцепеке, простоволосую старуху в избе, сидящую молча, опустив голову на стол, на кровати за печкой женщину, от которой шел "тяжкий дух", девочку и мальчика, беспрерывно просящих хлеба. Видно, что картины голода им знакомы. "У мальчика голова большая, шея тонкая, ноги и руки тонкие, а брюхо большое, похож на чучилу", - пишет Григорий Губин³¹. Очень подробно говорят и о том, как ведут себя голодающие: мужчина отказывается от хлеба и просит дать его детям, накормленные дети льнут к Елисею, женщина, которая лежала за печкой, на второй день встает и помогает гостю.

Больше всего пишушие увлекаются подробным описанием действий Елисея: опустил котомку на лавку, развязал ее (почти все отметили эту деталь), вынул хлеб, отрезал ломоть, дал детям, потом и взрослым, принес воды, пошел в лавку (или, пишут некоторые, к соседям), купил пшена ("пушана", "белой крупы"), масла, муки, затопил печь, сварил кашу (некоторые от себя добавляют - купил сала, принес молока), накормил всех досыта, выслушал рассказы голодающих.

Авторы изложений рассказывают о том, как Елисей без размышлений истратил почти все свои деньги, выкупив для голодающего семейства заложенные пашню и покос, купил им косу, затем купил лошадь (несколько человек от себя добавляют, что Елисей купил им также и корову, хотя у Толстого упоминается только неосуществленный замысел Елисея купить корову).

Но глубинный смысл эпизода встречи Елисея с хвалившими его "хохлушками", равно как и смысл последнего разговора его с Ефимом, не отметил никто, а один солдат понял дело совершенно неправильно. Он пишет: Елисей пошел в село покупать ребятишкам лошадь и корову, "а впереди его идут две женщины и говорят между собой, что приехал какой-то и как-то и купил всего. Елисей услышал и ему понравилось и пошел купил лошадь со всей упряжью и положил мешок муки, хкупить и корову, да денег осталось мало"³²

Но общий смысл доброго дела, совершенного Елисеем в украинской деревне, оценен всеми авторами изложений адекватно; именно .

оно послужило основой для сравнения Елисея с Ефимом, начатого еще описанием их поведения в дороге. Мотивы действий Елисея почти никем не обсуждаются. Три автора указали, что он "возжалился", стало ему жалко голодных, особенно детей, и только один - канонир 24-й роты Иван Смирнов - продолжил описание действий Елисея выводом, что тот не только совершил доброе дело, спасши умирающих, но и "наставил их на путь, как им впредь жить по Божьему закону, как господь Иисус Христос повелевает"³³ Впрочем, это не собственный вывод солдата, он почерпнул его из завершающей части рассказа, о которой речь пойдет ниже. .

В том, что сделал добрый Елисей для голодающего семейства, солдат больше всего заинтересовали подробности его простых, хорошо знакомых любому крестьянину действий. Со знанием дела они рассказывали, что именно и где он купил, какую приготовил еду, что именно понадобилось купить, чтобы семья могла поправить запущенное хозяйство. То, что его решения и все его поведение соответствовали евангельским истинам и религиозным канонам, не отмечено никем. Вспоминают только, что все это происходило накануне праздника, который Елисей предполагал встретить вместе с хозяевами избы.

Теперь обратимся к Ефиму, который тщетно ждал отставшего товарища, затем продолжил свой путь, добрался до Иерусалима и выполнил обет, данный обоими стариками. Для Толстого эта часть рассказа важна. Он выделяет в ней два сюжета. Первый - чисто познавательный, подробное описание паломничества: переезд на пароходе из Одессы в Константинополь и Яффу, и затем пеший переход до Иерусалима, пребывание в Русском подворье, посещение святых мест, наконец молебны в храме Гроба Господня; второй - чудесная история явления Елисея Ефиму в храме Гроба Господня.

История посещения Иерусалима Ефимом передана в тринадцати изложениях. Многие до нее просто не дошли; авторы других так увлеклись описанием помощи Елисея голодающему семейству, что на дальнейшее у них, по-видимому, не хватило времени. За исключением канонира Дмитрия Орлова, который многое перепутал (называет стариков Антоном и Фадеем) и написал, что "этот Фадей молился в Киеве Богу", остальные двенадцать обнаруживают, во-первых, явный интерес к тому, как протекало путешествие на корабле, где побывал и что видел Ефим за морем, во-вторых, проявляют некоторое знание истории последних дней Иисуса.³⁴

Второй "иерусалимский" сюжет у Толстого развертывает характеристику Ефима. В пути Ефим встретился и сошелся со странником в скуфье, подряснике и с длинными волосами, который совершал путешествие уже не в первый раз. В Иерусалиме он все показывал Ефиму и говорил, где сколько денег нужно подавать. Когда на второй день паломники укладывались спать, странник вдруг забеспокоился и сказал, что у него украли деньги. С этого момента Ефим потерял покой, "напало ннего искушение". Он решил, что сосед сказал неправду, вряд ли у него

вообще были деньги-днем он нигде ничего не подавал и попросил рубль у Ефима; правда Ефим не был уверен в своем предположении и думал, что, может быть, возводит на человека напраслину. Как ни старался отделаться от грешных мыслей, они его одолевали. И во все время третьего дня, проведенного в Иерусалиме, когда паломники отправились к храму Гроба Господня и прошли весь крестный путь Иисуса, а затем во время богослужения странник не отставал, Ефим молился, а сам все кошель с деньгами щупал, не украли ли. Он всячески старался отделаться от назойливого спутника, но это ему никак не удавалось, как не удавалось прогнать назойливые мирские мысли.

Эта история, которая толкуется Толстым как ниспосланное Ефиму искушение, почти не воспринята авторами изложений. Богомолец, сошедшийся с Ефимом, упоминается только в четырех текстах, и лишь в одном из них путано рассказана история с деньгами, к характеристике Ефима ничего не добавляющая.

С таинственным странником в скуфье отчасти связано и чудесное явление Елисея в храме Гроба Господня. На протяжении трех дней во время богослужения в этом храме Ефим видит, что в часовне, где над гробом Господним горят тридцать шесть лампад, впереди всех, "в самом святом месте стоит Елисей на самом виду, руки развел и глядит кверху, точно видит что над собой. И светится его лысина во всю голову". Ефим не понимает, в чем дело, и пытается к нему пробраться, надеясь отстать от навязчивого странника в скуфье и снова соединиться с товарищем. Однако толпа оттеснила его, а Елисей исчез. В два следующих дня Ефим вновь видит его на том же месте и в той же позе, но подойти к Елисею ему так и не удается. Исчезает и таинственный богомолец.³⁵

Четырнадцать солдат обратили внимание на этот эпизод, для Толстого, конечно, ключевой. Шестеро из них просто упомянули, что Ефим видел в храме Елисея и безуспешно пытался к нему подойти, а толпа оттеснила Ефима. Остальные восемь поняли, что в этом явлении Елисея заключено нечто чудесное. Иван Жеребчиков пишет: "...и думает Ефим, как он сюда попал? Корабль не ходит, а кум мой здесь, и думает - это мне не привидение ли"³⁶ Андрей Вялкин, передавая размышления Ефима о том, по какой же дороге пришел Елисей, заключает: "Только Ефим хотел подойти к нему, вдруг он сделался невидим". Иван Елисеев, описывая в своем изложении тщетные попытки Ефима пробраться сквозь толпу, приходит к выводу, что "Ефим понял, что это был не Елисей, а сам Господь". Этот солдат близко подходит к пониманию главной идеи рассказа. Он пишет, что на пути домой Ефим вспоминает "...и дивится, как он видел Елисея, стоящего у самого Господнего гроба и в каком образе и как он стоял растопыримши руки, как и священник, сам идет и думает, вот что усердие..."³⁸ . . .³⁷

На пути домой Ефим, которого вновь стали обуревать мысли о том, как сын его ведет дела, побывал в той деревне, где оставил Елисея. Его зазвали в хату, где был Елисей, и рассказали о неприметном лысенком

старичке, который спас голодающих и затем незаметно скрылся. "Через него мы и Бога узнали, и в добрых людей уверовали. Спаси его Христос! Прежде как скоты жили, он нас людьми сделал". Ночью Ефим, вспоминая о том, как он видел Елисея в Иерусалимском храме, впервые подумал: "Так вот он где...³⁹ упредил меня. Мои труды приняты ли, нет ли, а его-то принял Господь". Эти слова почти буквально воспроизвел в своем изложении Василий Соколов. Канонир Алексей Анцев, рассказывая о том, как Ефим вернулся домой и встретился с женой Елисея, передает его ответ на вопрос о том, сходил ли он "в монастырь": "Сходить-то сходил, но молитва моя не дошла"⁴⁰. А Никита Любимцев, описывая посещение Ефимом деревни, где он оставил Елисея, и передавая речи спасенных, завершает выводом: "Тут Ефим узнал, как надо в мире Богу угождать"⁴¹.

Но по мере приближения к родной деревне Ефима снова одолевают раздражающие мысли о доме, он предполагает, что его ждут одни огорченья. Так и вышло: сын хозяйство запустил, а в момент прихода Ефима находился в кабаке. Ни само паломничество, ни те размышления, которым Ефим предавался, узнав о том, почему Елисей не дошел до Иерусалима, не избавили его от мирских мыслей и не смягчили. Отец с сыном поссорились, и Ефим побил сына.

Возвращению Ефима противопоставлено возвращение Елисея. Когда Елисей вернулся домой, он ничего не рассказал ни домашним, ни соседям о своих делах в голодной деревне; объяснил только, что деньги растерял; соседи подивились его глупости, а потом забыли. А в семье его приняли с радостью и любовью, и Елисей принялся за обычные домашние дела.

Ни в одном из изложений это противопоставление не нашло отражения. Шестеро солдат упоминают о том, что Ефим, вернувшись домой, нашел хозяйство в упадке и побил сына. Но никакого осуждения они в его адрес не высказывают и с поведением Елисея по возвращении домой не сравнивают.

Большое впечатление произвела на многих заключительная встреча Ефима и Елисея на пчельнике, представляющая собой в рассказе Толстого яркую поэтическую картину: "стоит Елисей без сетки, без рукавиц, в кафтане сером под березкой, руки развел и глядит вверх, и лысина блестит на всю голову, как он в Иерусалиме у гроба Господня стоял, а над ним, как в Иерусалиме, сквозь березку,⁴² как жар, горит, играет солнце, а вокруг головы золотые пчелки в венец свились, вьются, а не жалят его"

Ефим заговорил с Елисеем, пытаясь навести его на мысль о том, что произошло с ним в Иерусалиме: "Да принял ли Господь труды... Ногами был, да душой-то был ли, али другой кто... Заходил тоже я на обратном пути в хату, где ты отстал...". Елисей почти испуганно мягко обрывает собеседника словами: "Божье дело, кум, Божье дело...". "Вздыхнул Ефим и не стал поминать Елисею про людей в хате и про то, что он видел его в Иерусалиме"⁴³.

Тринадцать солдат воспроизвели описание Елисея на пчельнике. Некоторые, правда, просто упоминают пчельник, как место, где трудится Елисей и где встречаются старики, а некоторые подчеркивают вполне прозаически, что пчелы Елисея не жалят и он работает, "ничем не обвязан". Но большинство авторов поняли внутренний смысл эпизода и почувствовали красоту описания. И язык их вдруг обретает некоторую величавость. "Елисей стоит под деревом, - пишет Иван Жеребчиков, - и такая у него лысина и вдруг у него над головой воссиял свет". "Над Елисеем золотые пчелки свились в венки", - так это описано у Ивана Елисея. "Елисей стоит под березкой, над головой у его венчик из пчелок", - так в изложении Федора Палестина. Андрей Костриков прибавляет от себя: "Над ним сияли лучи и горели свечи", а Василий Соколов пишет, что Елисей стоит подле березки и над головой его "сияет как будто жемчуг". Большинство тех, кто описал эту последнюю встречу стариков, по-видимому, поняли символический смысл изображения Елисея на пчельнике. "Вот Ефим был в Ерусалиме, а Елисей не был и то был там", - завершает Иван Жеребчиков свое картинное описание . 444546

Здесь уместно сказать несколько слов о языке и стиле некоторых солдатских изложений. Авторы, сумевшие связно и сколько-нибудь пространно изложить прочитанное, чаще всего прибегают к сказочному слогу и стилю. Это относится в особенности к началу текста. Бомбардир Григорий Лебедев начинает так: "Два старика жили в одной деревне, одного звали Ефимом, а другого Алексием. Издумали они идти молиться Богу в старый Ерусалим, собрались, взяли в дорогу денег, распростились с родными и со своим семейством и отправились в путь... Идут странники вместе месяц и другой и потом зашел Алексей в одной деревне попить и товарищу велел подождать и зашел в одну избу и спросил напиток. Ему подали воды напиток, потому что квасу не было, в той стороне был голод и хлеб не родился, а в которую избу он зашел, жили очень бедно, семейство большое, а все старой да малой, семейство было семь человек: старик со старухой да муж с женой да пятеро ребятишек, и все помирают с голоду..."⁴⁸ Некоторые детали автор придумал: у Толстого нет речи о квасе, которого будто бы попросил Елисей; голодающее семейство имело вовсе не такой состав. Григорий Губин тоже в сказочном стиле и ритме пишет о собравшихся в паломничество стариках: "пошили себе котомки да взяли с собой лапти в запас на дорогу и пошли; шли шли они..."⁴⁹ . Солдат, не указавший своего имени, пишет: "...и пошли Ерусалим, шли день, шли два идет ходом подходить речку, сели отдыхать, закусили хлеба, пили холодной воды... и опять пошли путь дорогу..."

Некоторые солдаты заботятся (может быть, невольно) о выразительности изложения. Канонир Алексей Смирнов так рисует картину, виденную Елисеем в голодной избе: "Смотрит Елисей, и стало ему жалко малюток. Вот он снял с себя корзинку ... вынул хлеба и отрезал большой ломоть и подал мальчику. Мальчишке обрадовался, загреб ло-

мочь и с носом ульнул в него..."⁵¹ . Толстой, описывая переезд Ефима на корабле, пишет: "К вечеру поднялся ветер. Пошел дождь; стало качать и корабль заливать"⁵² А Алексей Анцев передает это место так: "А Ефим дошел до Черного моря и сел на пароход, ехали они сутки хорошо и тихо, на другие сутки море разволновалось"⁵³ .

Есть изложения, по-своему озаглавленные авторами. Бомбардир Григорий Лебедев назвал свой текст "Рассказ двух странников", Иван Елисеев - "Два старичка", бомбардир Ануфрий Васильев - "Рассказ о богомольцах". Кузьма Горячкин - "Бог любит труды", Петр Соколов - "Не в силе Бог, а в правде".

Последняя встреча Ефима и Елисея завершает рассказ Толстого. Все поведение Елисея в момент встречи, нежелание говорить о совершенном им добром деле, сравнивать себя с товарищем и судить его вызвало у Ефима невольный вздох. О Ефиме последние слова рассказа: "И понял он, что на миру по смерти велел Бог отбивать каждому свой оброк - любовью и добрыми делами"⁵⁴

Эти слова Толстого воспроизводит солдат Василий Соколов, завершая свое изложение так: "Тут-то и узнал Тарасович, что, значит, Бог желает от нас, чтобы мы имели добрую душу и любовь"⁵⁵ . Василий Соколов - единственный, кто таким образом, точно выразил в некой абстрактной формуле главную идею рассказа и его поучительный смысл.

Но и остальные авторы изложений поняли смысл рассказа - через образы двух стариков. Алексей Покидов, который все изложение построил в основном как сравнение действий и поведения Ефима и Елисея, заканчивает его словами: "Елисей Бодров был душою чист, а Тарасыч нет". Анонимный автор, отвечающий на не сохранившуюся в архивном деле анкету, пишет: "Понравился больше Елисей тем, что он сделал добро... Кто больше угоден Богу? Елисей, потому что он исцелил людей"⁵⁷ .⁵⁶

Заметим, что авторы изложений вовсе не осуждают Ефима Тарасовича. Его хозяйственность, твердость в поведении, строгость по отношению к сыну не вызывает ни у кого каких-либо отрицательных суждений даже там, где все эти качества сравниваются с характером более симпатичного всем Елисея.

* * *

Вернемся к вопросам, которые мы поставили, приступая к анализу изложений, написанных солдатами-артиллеристами. Оказался ли рассказ Л.Н. Толстого "Два старика" доступным "простому народу", был ли он понят солдатами, т.е., в сущности, крестьянами?

Следуя традициям древней учительной литературы, Толстой все свои "народные" рассказы строил как притчи. Почти каждый открывается эпиграфом из Евангелия и каждый завершается религиозно-нравственной сентенцией. Рассказу "Два старика" писатель предпослал об- . .

щирный эпиграф, в котором, как и в приведенных выше заключительных словах, содержится, собственно, главная идея его сочинения. Это строки из Евангелия от Иоанна, в которых передана беседа Иисуса с самарянкой о том, где надлежит поклоняться Господу. Женщина говорит: "Отцы наши поклонялись на этой горе; а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме". Иисус возражает: "...поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе" (Иоан. 4, 20-23).

Этот эпиграф, в котором заключена идея поклонения и служения Христу любовью и добрыми делами, выраженная в свойственной Священному писанию афористичной и метафорической форме, не мог быть понят большинством слушателей-солдат. О нем не вспомнил никто. Характерно, что вообще текст Евангелия вспомнил в своем изложении только канонир Андрей Смирнов. Передавая слова Елисея, уговаривавшего Ефима отправиться в паломничество, он написал: "заботиться надо об душе, а не об доме-то; посмотри на птиц небесных, они не сеют, не жнут, а пищу получают каждый день..."⁵⁸. Слов о птицах небесных в рассказе Толстого нет.

Идея эпиграфа развита писателем в противопоставлении соблюдения обрядности (даже и на уровне такого важного дела, как паломничество) и служения Христу любовью и добрыми делами, совершаемыми в любом месте и в любой форме, и прямо выражена в конце рассказа. В коротких комментариях (одна-две фразы) на полях нескольких изложений А.Н. Рубакин подчеркивает, что солдаты не поняли "отвлеченную идею - противопоставление обряда доброму делу". На полях изложения Александра Размахаева Рубакин написал, что "воспринимающая и задерживающая способность" у этого солдата очень развита, он запомнил даже некоторые слова Толстого, а "идея не замечена". Действительно, способность к абстрактному мышлению у полуграмотных солдат очень невелика и в изложениях совсем не проявляется. "Значит, общий уровень данных читателей плох."⁵⁹ Это объясняется их жизнью до службы и на службе", - констатирует Рубакин

Однако более разумным, нежели суждение о том, обладает ли автор изложения способностью понять "отвлеченную идею", представляется иной критерий, сформулированный самим писателем (о нем отчасти уже шла речь). Толстой писал Х.Д. Алчевской по поводу ее работы «ад сборником "Что читать народу": "По моему мнению, нужны и драгоценны будут во всех отношениях не отзывы, а различные пересказы Ученицами читаемого. В них будет и самый верный и серьезный отзыв. Сколько раз я замечал в своей практике - все хорошее, все правдивое, гармоничное, меткое запоминается и передается; все фальшивое, накладное, психологически неверное пропускается или передается в ужасающем безобразии"⁶⁰.

Из материала, использованного в данном случае, видно, что солдаты - вчерашние крестьяне, т.е. именно те, на кого ориентировался писатель, создавая рассказы "для народа", в общем сумели — конечно, все в разной степени - пересказать его сочинение (или хотя бы часть его) и поняли то, что он хотел сказать, сравнивая поступки и поведение двух героев. Солдатам удалось запомнить и передать содержание рассказа, потому что он написан так, как и намеревался Толстой писать "для народа" - абсолютно просто, чтобы слушателям было понятно каждое слово.

Посмотрим, применяя критерий самого писателя, что же оказалось на поверку истинно правдивым, гармоничным и метким в его рассказе и что извлекли солдаты из текста Толстого, наделяя его рассказ собственным смыслом. Это прежде всего картины повседневной крестьянской жизни, хорошо запомнившиеся и переданные большинством авторов изложений, а также картина голодающего семейства, знакомая и страшная для многих слушателей. Если не настоящий голод, то постоянное недоедание и угроза голода составляли непреходящую часть крестьянской повседневности.

"Правдивыми, гармоничными и меткими" оказались в тексте Толстого и те места, которые сближали его рассказ с фольклором - описание явления Елисея в храме Гроба Господня и на пчельнике в сиянии солнечных лучей. Это чудо сближало в восприятии крестьян сочинение великого писателя и с лубочными книжками, которые, несмотря на все усилия "интеллигентных просветителей", оставались, наряду с житиями святых, любимыми и популярнейшими книжками народного читателя.

Формулируя в 1886 г. задачи издательства "Посредник", Толстой писал: "Направление ясно, выражение в художественных образах учения Христа, его пяти заповедей; характер - чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщине, ребенку, и чтоб и тот и другой заинтересовались, умилились и почувствовали себя лучше"⁶¹.

Но мог ли Лев Толстой, следуя этой программе со своей неприкрытой назидательностью и сдержанностью, конкурировать с тем, что умели лубочные писатели, стремившиеся и умевшие приспособиться к традиционному вкусу народного читателя? А. С. Пругавин, известный исследователь народного чтения и борец против лубочной литературы, писал в 1887 г., что народные рассказы Л.Н. Толстого в течение каких-нибудь двух-трех лет разошлись в миллионном количестве экземпляров⁶². Но были и другие мнения. Издатель и книготорговец И.Д. Сытин вспоминал, что Л.Н. Толстой в 80-е годы навещался в его книжную лавку и расспрашивал толкавших там офеней о сбыте изданий "Посредника". Они говорили: "Мучаемся, таскаем вот сытинский товар всю зиму, а толку мало: грамотеев-то в деревне нет. Картинки еще покупают, а вот насчет книг плохо... спрашивают везде все пострашнее да почуднее. А тут все жалостливые да милостливые. В деревне и без того оголтелая скучища... Пишите-ка, Лев Николаевич, книжечки постраш-

нее. Ваши берут, кто поумнее: попы, писаря, мещане на базаре. В деревне разве только большому грамотею всучишь"⁶³. Толстой был все-таки далек от того, чтобы писать "книжечки пострашнее", его волновало совсем другое.

Религиозно-нравственные идеи, заложенные им, в частности в рассказ "Два старика", сводятся к следующему. Господь ожидает от нас прежде всего любви и добрых дел - любви к Богу, любви и доброты к семье, к страдающим людям и даже к тем, кто поступает и думает иначе, чем ты сам. Мало быть хозяйственным, честным, твердым, строгим и серьезно относиться к соблюдению церковных обрядов, даже к такому наиважнейшему, как паломничество к святым местам. Богу угоден тот, кто служит ему добрыми делами, кто доверяет близким, кто готов, не размышляя, не ожидая награды и даже опасаясь людских похвал, отдать все и помочь любому, кто в помощи нуждается. Бог наградит такого человека душевным спокойствием, миром и согласием в семье, любовью окружающих. Только такой человек, как Елисей, может стать настоящим учителем жизни, совершенно к этому не стремясь: спасенные им от голода люди говорят, что он научил их любить Бога и доверять людям; он просветил и Ефима, показав ему пример истинного служения Господу.

Все эти идеи находят воплощение в образах двух героев рассказа и в общем и целом восприняты солдатами. "Базовые" нравственные принципы тех культурных страт, к которым принадлежали великий писатель граф Лев Николаевич Толстой, с одной стороны, и полуграмотные российские крестьяне - с другой, безусловно, совпадали; на примере солдатских изложений это видно прежде всего из того, что главным героем у всех авторов оказался Елисей, как это и задумал писатель. Они верно поняли и его характер, и смысл его действий. Расхождение, непонимание можно усмотреть только в отношении автора и слушателей к Ефиму. Как уже говорилось, его забота о хозяйстве и строгость в семейных отношениях не вызывает никакого осуждения со стороны солдат. И то, что добрый Елисей беден, а Ефим богат, тоже не вызывает у солдат неприязни к последнему. Толстой тоже открыто не осуждает размышлений и поступков Ефима, но осуждение это, конечно же, подразумевается. Однако солдаты его не почувствовали и не разделили. Стоит, между прочим, напомнить, что трое солдат, сопроводившие изложения сведениями о себе, - это молодые крестьяне, семьи которых нельзя назвать бедными.

Крестьянам, по-видимому, трудно понять, почему забота о мирских делах может быть греховной. Тут уместно вспомнить описанную Алчевской реакцию крестьян в деревне, а в городе - взрослых учениц воскресной школы - на прочитанный им рассказ Л.Н. Толстого "Два брата и золото". Два брата, оба праведной жизни, набрали на груду золота. Один, подозревая что-то нечистое, в страхе убежал, другой взял золото и использовал его на благие цели: построил в городе больницы, Приюты, и все его благословляли. Но когда он отправился повидаться с

братом, ангел заступил ему дорогу и сказал, что он недостойн брата, потому что золото это было дьявольское. И он понял, что не для Бога совершал свои дела, что не золотом, а собственным трудом надо служить людям. В деревне, где крестьянам читали этот рассказ, мнения слушателей разделились: "Это было грех ему"; "нет, на пользу душевную"; "что сработал, то твое, а чего не сделал, на то и не засматривайся". В городе реакция взрослых учениц была единодушной и более определенной: все симпатии девушек оказались на стороне того брата, который взял золото. Все недоумевали относительно странного действия ангела, прогнавшего мужика: "Это за что же?"

Замысел Толстого слушателями остался не понят⁶⁴

Но все же для крестьян именно Елисей — олицетворение личности, как она понимается в православии, — отказ от заботы о собственном благосостоянии, боязнь личного успеха, равнодушие к мирским благам, тихая жертвенность, растворение себя в любви к другим людям.

Наконец, еще одно. Толстой думал о том, что в книгах "Посредника" должно найти выражение в художественных образах учение Христа, его заповеди. Так это и есть в рассказе "Два старика". Но все же не случайно он предпослал рассказу свой большой эпиграф; хотел же он, по-видимому, чтобы крестьяне не только интуитивно руководствовались евангельскими заповедями, но и знали Евангелие.

Х.Д. Алчевская неоднократно указывала, что при чтении вслух крестьянам сочинений, где встречались евангельские тексты, они слушали их "с любовью и благоговением", но толковать не умели. Здесь уместно вспомнить ее запись о том, как толковали слова Евангелия "птицы небесные не сеют, не жнут, а Господь наш питает их" ученицы Харьковской воскресной школы. По-видимому, они совершенно не понимали их смысла. На вопрос, что означают эти слова, одна ученица ответила: "Это вот как надо понимать, птицы летают, никакого вреда не делают, и Господь питает их, а людям так нельзя, люди должны работать". Другая добавила: "Птица что, она уворует себе и улетит, а человека поймают и в острог посадят"⁶⁵

Постоянная проповедь в рассказах "для народа" евангельских текстов, составлявшая часть просветительской задачи Толстого, вряд ли имела большой успех. Конечно, их читатели и слушатели были людьми верующими, впитавшими веру в Бога, можно сказать, с молоком матери, ощущавшими себя православными христианами и знакомые с евангельскими истинами. Но это находит воплощение прежде всего в моральных установках, понимаемых как простые правила поведения. Кажется, религиозность не пропитывает всю их жизнь, в данном случае - их размышления относительно жизненных ситуаций. Мне уже приходилось говорить в других своих статьях, что, по моему мнению, религиозность русских крестьян не была в конце XIX в. очень глубокой и осознанной. Все-таки они жили в "расколдованном мире" и жизнь свою строили, имея в виду прежде всего не перспективу той или иной судьбы в загробном мире, а необходимость выживания в ре- . .

альных и очень тяжелых условиях; их страх - это не страх перед муками в потустороннем мире, а страх перед адскими муками голода в этой жизни.

Рассказ Толстого в восприятии солдат-крестьян оказался в целом не нравоучительным текстом (как его задумывал автор), но хорошо знакомой авторам изложений картиной крестьянской жизни, расцвеченной сценами чудесных явлений в Иерусалимском храме и на пчельнике у Елисея. Это сочинение Толстого, как и большинство других его рассказов "для народа", не вошло в "золотой фонд" произведений великого писателя, но если на какое-то время оно и осталось в составе книг, которые читали в народе, то именно благодаря этому его смыслу, который отразили в своих изложениях солдаты.

И наконец, вернемся к последнему вопросу, намеченному в начале статьи. Что можно сказать на основе анализа того материала, который удалось здесь привлечь, относительно продуктивности намерений и действий просвещенной и заботящейся о благе народа интеллигенции и соответствия этих действий нуждам и запросам "простых" людей?

Разумеется, на основе нашего источника нельзя сделать сколько-нибудь масштабные выводы, которые хотя бы подвели к ответу на этот вопрос, до сих пор у нас важнейший и актуальнейший. Но имея в виду, что изучение народного читателя и народного чтения для решения этой проблемы при расширении исследовательского поля может быть весьма плодотворным, отметим тем не менее, что в солдатских изложениях рассказа Толстого нет разительных "недоразумений" и "культурных несовпадений", выявляющихся, например в реакции крестьянских слушателей и читателей на некоторые пьесы А.Н. Островского⁶⁶. Но эти пьесы были написаны вовсе не в расчете на простонародного читателя; к тому же в том, что касается "базовых" чувств и основных нравственных установок, и там обнаруживается "взаимопонимание" между автором и простонародными слушателями. Толстой же писал свои рассказы специально "для народа", тщательно обдумывал с этой точки зрения и содержание и форму и, как мы видели, действительно добивался взаимопонимания с читателями. Основанные на подлинном знании ситуации, искренние, стратегически выверенные действия не могли не приносить успеха. Конечно, они не решали вопроса в широких масштабах, но каждый верный шаг на этом пути, несомненно, интересен и ценен.

¹ Chanter R. Histoire et littérature // Idem. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquietudes. P., 1998; рус. пер.: Одиссей 2001. М., 2001. С. 162-175; см. также: Бурдьё П. Чтение, читатели, ученые, литература // Он же. Начала. Choses dites. М., 1994. С. 167-177.

² Рискну предположить, что такой подход к изучению истории литературы Р. Шартье утверждает, что любой иной подход анахроничен - мог бы проложить путь к выходу из того кризиса, который ныне царит у нас в преподава-

- нии литературы в средней школе, а может быть, и в преподавании истории литературы в вузах.
- ³ Блюм А.В. Издательство "Посредник" и его читатели // История русского читателя. Сб. научных трудов. Л., 1979. Вып. 3. С. 62.
- ⁴ Горькое М. О положении народной литературы // Саратовская земская неделя. 1905. № 2. С. 66.
- ⁵ Андреев Н. Исчезающая литература (из заметок о лубочной литературе) // Казанский библиофил. Казань, 1921. № 2. С. 5.
- ⁶ Толстой Л.Н. Поли. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928-1958. Т. 63. С. 307.
- ⁷ Там же. Т. 62. С. 143-144.
- ⁸ Там же. Т. 64. С. 40-41.
- ⁹ Базанов В.Г. От фольклора к народной книге. Л., 1983; Банк Б.В. Изучение читателей в России (XIX век). М., 1969; Коган В.З. Из истории изучения читателей в дореволюционной России // Проблемы социологии печати. Новосибирск, 1969. Вып. 1; Баренбаум И.Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема // Труды Ленингр. ин-та культуры. 1968. Т. 25; История русского читателя. Л., 1973. Т. 1; Л., 1976. Т. 2; Л., 1982. Т. 3; Общество, литература, чтение. М., 1978; Блюм А.В. Русская лубочная книга второй половины XIX в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1981; Русская книга в дореволюционной Сибири. Новосибирск, 1984; Чтение: проблемы и разработки. М., 1985; Лубочная книга. М., 1990; Книга в России, 1861-1881. М., 1991; Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. М., 1991; Чтение в дореволюционной России. М., 1992; Чтение в дореволюционной России. М., 1995. Вып. 2. Распространение книги в Сибири (конец XVIII - начало XX в.). Новосибирск, 1990; Книжное дело в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1991; Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1993.
- ¹⁰ Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / Сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы. СПб., 1884. Т. 1; СПб., 1889. Т. 2; М., 1906. Т. 3. Особенно интересен том 2, где гораздо больше места, чем в 1 и 3-м томах, отведено отзывам о книгах, причем помещены материалы для чтения не только в школах, но и взрослым крестьянам южнорусских губерний. См. об этих сборниках как источнике для изучения народного чтения: Оболенская С.В. Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей 1997. М., 1998.
- ¹¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Ф. 358. А.Н. Рубакин. К. 14. Д. 11. Сочинения солдат по рассказу Л.Н. Толстого "Два старика".
- ¹² Толстой Л.Н. Поли. собр. соч. Т. 85. С. 211.
- ¹³ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 г. М., 1970. С. 411-413. Толстой предполагал заказать рисунки к рассказу Н. Ге, потому что тот в то время находился на Украине, где разворачивался один из центральных эпизодов рассказа. Замысел этот не был, однако, осуществлен.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 11. Л. 2 об.-3.
- ¹⁵ Там же. Л. 18, 19 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 78 об.
- ¹⁷ Далее для удобства восприятия в приводимых цитатах из солдатских изложений мною расставлены знаки препинания. - С.О.

- ¹⁸ Бобровский П. Взгляд на грамотность и учебные команды (или полковые школы) в нашей армии // Военный сборник. 1870. Т. 76. С. 304.
- ¹⁹ Цытович В. Учебные занятия в наших саперных батальонах // Там же. 1886. Т. 171. № 9. С. 80.
- ²⁰ Там же. С. 89.
- ²¹ Там же. 1870. Т. 76. С. 308. Это утверждение следует, однако, подвергнуть сомнению. Например, в рассказе Толстого "Где любовь, там и Бог" центральное место занимает знакомство героя рассказа сапожника Мартына с Евангелием и чтение из него текстов. В изложениях этого рассказа решительно все солдаты заметили это место и довольно точно пересказали главу из Евангелия от Луки о посещении Христом дома фарисея.
- ²² Все цитаты из рассказа Л.Н. Толстого "Два старика" даны по изд.: Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1987. Т. 9. С. 305 (далее при ссылках на это издание указан только том).
- ²³ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10. Л. 10-10 об.
- ²⁴ Толстой Л.Н. Т. 9. С. 288.
- ²⁵ Характерно, что Алчевская, читавшая рассказ "Два старика" своим постоянным слушателям - украинским крестьянам, тоже отметила, что сборы на богомолье вызвали "огромный интерес" (см.: Что читать народу? Т. 2. С. 63).
- ²⁶ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Л. 79.
- ²⁸ Там же. Л. 102 об.
- ²⁹ Там же. Л. 44, 69.
- ³⁰ Толстой Л.Н. Т. 9. С. 296.
- ³¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10. Л. 35 об.
- ³² Там же. Л. 52 об.
- ³³ Там же. Л. 8.
- ³⁴ Там же. Л. 77 об.
- ³⁵ Толстой Л.Н. Т. 9. С. 302.
- ³⁶ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10. Л. 71 об.
- ³⁷ Там же. Л. 63.
- ³⁸ Там же. Л. 49-49 об.
- ³⁹ Толстой Л.Н. Т. 9. С. 304.
- ⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10. Л. 59.
- ⁴¹ Там же. Л. 101 об.
- ⁴² Толстой Л.Н. Т. 9. С. 305.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10. Л. 76.
- ⁴⁵ Там же. Л. 71 об.

- ⁴⁶ Там же. Л. 49, 96 об., 29 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 71 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 5-5 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 36 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 12.
- ⁵¹ Там же. Л. 56.
- ⁵² Толстой Л.Н. Т. 9. С. 299.
- ⁵³ ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10 Л. 58 об.
- ⁵⁴ Толстой Л.Н. Т. 9. С. 305.
- ⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 388. К. 14 Д. 111. Л. 29 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 33 об.

⁵⁷

Там же. Л. 10-10 об.

⁵⁸

ОР РГБ. Ф. 358. К. 14. Д. 10. Л. 55 об.

⁵⁹

Там же. Л. 44,76, 104.

⁶⁰

Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978-1984. Т. 19/20. С. 19.

⁶¹

Там же. С. 326.

⁶²

Пругавин А.С. Народно-лубочная литература // Русские ведомости. 1887. 7 марта.

⁶³

Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1960. С. 64.

⁶⁴

См. Оболенская С.В. Народное чтение...

⁶⁵

См.: Что читать народу? Т. 2. С. 71.

⁶⁶

Оболенская С.В. Крестьянские читатели и интеллигентные "просветители" в России конца XIX в. // Сборник статей памяти А.Г. Тартаковского (в печати).